

Воскрешение Польского театра в Москве: как это было

Итак, 4 и 5 апреля сего года на Новом Арбате произошло чудо, а если быть конкретнее - воскрешение. Вновь в Москве появился Польский театр, который был разогнан в 1938-ом – в год страшных сталинских репрессий.

Новую жизнь он обрел благодаря молодому, амбициозному и, бесспорно, очень талантливому режиссеру Евгению Лавренчуку, выпускнику Российской Академии Театрального Искусства. Вторая жизнь Польского театра началась весьма бурно. И началась с постановки, которой столица никогда не видела. Спектакль «Снег» - мелодрама польского драматурга, мистика и женоненавистника начала 20-го века Станислава Пшибышевского. Пьеса о столкновении и переплетении любви и смерти, духа и плоти, сексуальной энергии и вечной тоски по утраченному раю. Автор пьесы - некогда культовая фигура и скандальный автор европейского модернизма – вновь появился в Москве на сцене возрожденного Польского театра. Пшибышевский – автор не забытый, а вытесненный, подавленный.

Пшибышевский

Свершает он, подвластный Сатане
Строй черных месс запретным обаяньям.
Он одиночным вверился скитаньям,
Его сопровождает черный снег.

Мысль видит избавленье в смертном сне
Своим мучительным воспоминаньям,
И всей земле с ее непониманьем
Начертан им девиз надменный: «Вне».

В час чуда город мертвых аметистов
Пролетит из глаз. Раскаяньем пречисты,
Для вечной сказки все сыны земли

Во имя счастья оросят слезою
Свои глаза. Но Каина стезею
Идущий не поверит им вдали...
Игорь Северянин (1926)

В России он стал культовым в 1901 году, а высший пик популярности символиста в нашей стране пришелся на 1908-1911 годы, когда на русском языке вышло аж 52 (!) книги, принадлежащие его перу. «Пришла пора заново перечитывать Пшибышевского!» - призывает зрителя программка, выданная в день премьеры. Честно говоря, сказать, что «Снег» — хороший спектакль по плохой пьесе - значит не сказать ничего. Текст пьесы – абсолютно мертвый, наполненный самоповторами и фразами, которые можно назвать пустыми. И только то, как Лавренчук расшифровал и интерпретировал «Снег» - только это и сделало успешным весь проект. Тема Лавренчука - мир человеческих страстей: больших и малых, высоких и низких, серьезных и смешных, движущих жизнь, составляющих ее вкус и цвет. Кто сказал, что наш век сух, рационалистичен, бесстрастен? Какой-то

ненаблюдательный человек, взявший это безответственное суждение напрокат у прошлого века, который, кстати, тоже упрекали в сухости. Просто надо уметь разделить чувства своих современников, пережить вместе с ними их радости и горести, понять, что заставляет их волноваться, страдать, затевать споры, вступать в борьбу. У каждого времени не только свой образ мысли, но и свой образ чувствования. Действие драмы происходит в начале XX века на сломе двух эпох, и кем-то может быть воспринято как типичный любовный четырехугольник. На самом же деле пьеса, а тем более представленный Лавренчуком и его актерами визуальный ряд едва ли вписывается в эту банальную схему. Как и в жизни, здесь все намного сложнее и приобретает более чем мистический смысл. Тревожное ожидание Бронкой (Р. Ядзиньска) возвращения мужа (А. фон Танофф) из города и ее встреча с ним, их первый разговор - типичный пример того театра, к какому тянется душой Лавренчук. Здесь продумано, выверено под музыку каждое движение, и взгляд, интонация, поворот головы значат неизмеримо больше, чем любые слова. Они вообще лишние, слова, - не случайно кульминацией спектакля становится предсмертное катание на коньках под музыку Шопена. И смех, смех, смех... Музыка издали, крадучись, приближается к сцене и, постепенно нарастая, затопляет сцену и зал. Прибой мелодии подхватывает героев, унося их тела вниз под лед, в холодную воду, а души самоубийц - ввысь к беспощадному небу. Выходя в финале на сцену со своими героями, Евгений Лавренчук как бы говорит: «Перед вами — игра, происходящая под куполом без страховки.» И в этот вечер билеты становятся недоступными, а сцена — центром Вселенной.

Алексей Желтый